

КРАЕВЕДЕНИЕ

Вячеслав Запольских Два палеозоя Петра Чудинова

Тень минувшего

Финский нож в кожаном чехле на поясе джинсов. Тяжеленный рюкзак. В отпуск Петр Константинович приезжал, экипированный для кочевой жизни, будто мало ему было экспедиционных скитаний. В излюбленных лесных углах окрестностей Юго-Камска разбивали охотничий лагерь. Стоянки получали имена собственные, словно отпускники в своих робинзонадах возвращались на страницы любимых детских книг. «Лисья стоянка» — там П.К. взял лису, когда приезжал на юбилей Пермского университета, но опять умудрился вырваться из флажкового круга городской жизни — чтобы пробираться по топкому речному берегу, мимо тяжелой ряски, затянувшей бобровые запруды. Карабкаться вверх по осыпям холмов, обороняющихся засеками треснувших и упавших стволов. Нырять в стелющийся по низинам изнуряюще пьяный папоротниковый дух; упрямо не желает вымирать это растение-пережиток, будто прорастая сюда из палеозойского тлена. Кажется, если закинуть удочку в лесную речку, то, вместо ожидаемого хариуса, крючок может откусить мощная нижняя челюсть древней рыбы платисомуса. Далеко от цивилизации, среди живущего своей жизнью диколесья безвозвратность времени неощутима, и вполне проницаемой оказывается грань между объективностью календаря и призрачным существованием вымерших звероящеров. Хруст сухого валежника выдает приближение хищника: может, это крадется лиса, а может, подбирается криволапый биармозух с далеко забегающими на нижнюю губу саблями клыков.

Хочется представить, что для выдающегося отечественного палеонтолога Чудинова в знакомых с детства лесных углах открывался проход в удаленный от нас на 250 миллионов лет Пермский период. Его слух различал в сосняке скрип глоссоптерисов, чьи кроны раскачивал морской бриз, и хоть однажды попался на заветную удочку — бамбуковую, привезенную из Китая — увесистый палеониск с выпученными глазами и заросшим чешуей хвостом.

А вечерами к палатке на свет фонарика являлись персонажи, облик которых сохранили гравюрные портреты, а мысли и мнения — их ученые записки. Гости переговаривались через толщу времен и многоверстные пространства. Вот Василий Татищев, качнув рогами высокого парика, задумчиво перебирает в пальцах то ли минеральные, то ли костяные обломки, что вытащили для него из шурфа рудокопы:

— Куриозные вещи сохранены в пермских медистых песчаниках! Многие дивные или фигурные камни, в которых закаменелые рыбы, черви, листья от деревьев или травы, раковины и прочая видимы.

Вячеслав Запольских — родился в Перми, окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Печатался в журналах «Нева», «Урал». Автор книги «Планета имени шестого «б». Повести для детей» (Пермь, 1989).

Ему через полсотни лет вторит капитан армии российской, завязанный путешественник Николай Рычков:

— *В рудниках находят множество в камень превратившихся костей, дерева и других вещей, показывающих премудрость природы.*

Непременный секретарь Академии де сиянс Иван Лепехин, оглядывая допотопные пермские скелеты, заключает:

— *По наружному виду это должны быть кости рогатой скотины.*

Наконец, является великий шотландец Мурчисон и прославляет наш горнозаводский край, вводя в геологическую летопись палеозоя Пермский период. Пермь — она и в Техасе пермь, и на пустынном южноафриканском плоскогорье Карро, и в египетских шахтах изумляет палеонтологов находками двухсотмиллионнолетней древности. Свой труд «Фауна медистых песчаников» — о пермских звероящерях — Иван Антонович Ефремов посвятил «безымянным горнорабочим старых медных рудников Западного Приуралья — первым открытелям фауны медистых песчаников».

Петр Константинович Чудинов происходил как раз из рода горнозаводских рабочих. Фамилия его дальних предков издавна связана с Очерским строгановским заводом. Одна из ветвей прижилась в заводе Юго-Камском (подобные населенные пункты так и назывались тогда — «заводами», а не поселками или городками). Чудинов уравнивал себя в точке равнодействия между тягой к провинциальной простоте и амбициозной гравитацией больших городов.

Ермак Лавразии, путешественник по дебрям двух эпох, проскитавшийся с экспедициями едва ли не половину жизни в местностях, цивилизацией не тронутых, в любом деле мастеровитый и даже в старости ловкий — подхватывал на лету оброненную вещь, Чудинов еще до того, как очутился в академической среде, вкусом отличался утонченным и был вполне элегантен. Инна Ивановна, однокурсница, впоследствии ставшая его женой, вспоминала: «Бывало, всем выдадут по карточкам одинаковые какие-нибудь сорочки. Материал дрянь, цвет не разбери поймешь. Все ребята ходят как кулёмы, а Чудинов — словно от портного вышел». Обожал запонки и разные заколки для галстуков. Разумеется, на улицу выйти в спортивной шапочке — это ни в коем случае, в домашней обстановке позволить себе расхаживать в тренировочных штанах — ни-ни. Двенадцатилетие своей младшей дочери отметил со светской учтивостью: пригласил ее в кафе и угостил шампанским — вот мама-то, к счастью, об этом не прознала. Но не стоит рассуждать, что было для него привычнее, хрустальный фужер или помятая жестяная кружка, из которой он пил водку с бакенщиком на Пинеге. Одинаково удобно чувствовал себя и в широкополой ковбойской шляпе на техасском солнце, и в растоптанных кирзачах на сырых мезенских тропах. В гостях у американских палеонтологов с удовольствием катался на «роллс-ройсе». В Китае быстро научился есть палочками. Но уральских охотничьих навыков никогда не терял и помнил, в какой из речек вокруг Юго-Камска надо ловить хариуса, а в какой клюет щука. Из Америки привез не только магнитофонные бобины с музыкой кантри, но и «летающее уженье» — экзотический тогда хлыст.

Как-то раз к нему в Палеонтологический музей явилась делегация из Очеры. Ожидали увидеть доктора наук — а какие они бывают, доктора? Понятно, в нимбе благородной седины, с солидной тростью, фигурно обрамляющей неторопливую походку. Однако сбегает по лестнице по-юношески стройный человек: «Где тут ко мне очерские?» Понятно было, что прибыли просто любопытствующие провинциалы, но устроил им подробную экскурсию по музею, на дилетантский вопрос: «Сколько все-таки зубов у мамонта?» — ответил: «А пойдём посчитаем». Потом оставил дальних гостей ночевать у себя дома, в крохотном кабинете, переделанном едва ли не из чулана. Очерскому парнишке по его просьбе раздобыл и прислал альбом Йозефа Буриана «По путям развития жизни». Та динозавромания, что приключилась после «Юрского парка» Спилберга, это уже была динозавромания № 2, а № 1 лет сорок назад вызвал роскошный чешский альбом, мечта многих мальчишек.

Ни модный галстук с заколкой, ни брезентовая штормовка не сигнализировали спесиво: вот перед вами палеонтолог с мировым именем! Его всегда вспоминают демократичным, доброжелательным, умеющим дружить. Но могла проквоззить и резкость. «Не научи да по миру пусти — хрен, не кусочки!» — так сердито он откликнулся на чью-нибудь житейскую беспомощность. Что поделаешь, говорят, у юго-камских мужиков, потомков строгановских мастеровых, грубоватость до сих пор в крови... «Видал я этих докторов! Через плечо кидал!» — младший брат П.К., Николай Константинович, открывший явление анабиоза палеозойских микроорганизмов в калийных солях Верхнекамья, весьма независимо реагировал на советы взяться за диссертацию. «Молчи, дурак!» — с тусклой яростью отозвался только что вернувшийся с очередного вызова в пермское ГПУ и обросший седой бородой отец четверых братьев Чудиновых, Константин Гаврилович, на замечание одного из сыновей: «Ну, ты теперь совсем на Карла Маркса похож!»

Уравновешенность на людях оборачивалась многодневной молчаливой подавленностью среди своих, когда случались неприятности. И очень редко происходили эмоциональные взрывы. Можно предположить, что их причина — перепад давления между разреженным воздухом внешних житейских обстоятельств и не всегда поддающимся контролю напором внутренней свободы. Выражалось это по-разному, но, вероятно, в гневе он был неудержим. Как говорится, лучше не связываться. Будучи с коллегой в некотором подпитии, устроил пальбу из ракетницы по уличным фонарям в Улан-Баторе — и местные стражи порядка не рискнули остановить их шумное развлечение. Когда 5 марта 1953 года радио донесло траурную весть, он сказал отнюдь не вполголоса: «Сдох, собака!» — и никто из соседей по общежитию не посмел донести.

Самые близкие Петру Константиновичу люди вспоминают: «Душу его заливала иногда черная меланхолия — спокойная, но довольно жуткая. В семье было принято считать это следом страшного детства».

...Бродить по лесам вокруг Юго-Камска его с малых лет приохотил отец. За рекой Полуденкой у Константина Гавриловича был покос, там же стояла избушка, точнее, низенький охотничий балаган. Однажды, когда ему было лет шесть-семь, Петр прожил там с одним из дядьев матери целую неделю. Навсегда запомнился первый пойманный хариус. И еще легло на память, как однажды вечером деревья озарились багровым садящимся солнцем, и в тот же момент ветер принес со стороны Юго-Камска слабый отзвук с колокольни Свято-Троицкой церкви. Эта картина чем-то заорожила детское воображение, вернувшись ярко и отчетливо уже на склоне жизни, когда Чудинов понял: колокол звонил по отцу и по всей семье.

У четверых братьев Чудиновых, а потом и у остальной родни вошло в привычку называть своего патриарха «старый КГЧ». Хотя стариком — по возрасту, не по облику — он сделаться не успел. Едва перевалило за шестьдесят, когда в 1938-м его в очередной раз арестовали и увезли, как оказалось, безвозвратно. Сам он понимал свою обреченность: как еще могла поступить советская власть с делегатом Учредительного собрания, свидетелем разгона большевиками законной представительной власти?

А молодость у Константина Гавриловича была бурная. Сын волостного писаря устроился служить на Китайско-Восточную железную дорогу. О Маньчжурии той поры мы знаем по книге Арсеньева, но имелись и отечественные Брет Гарты, описавшие авантюрную эпоху китайских хунхузов, корейских охотников за женьшенем и русских золотоискателей. В семье долго хранилось официальное разрешение на ношение револьвера, полученное Константином Гавриловичем в Харбине.

Вернувшись в Юго-Камск и почти сразу угодил в тюрьму за революционную деятельность. По своим убеждениям был близок эсерам. Женившись и несколько остепенившись, КГЧ взялся за организацию крестьянской кооперации, пропаганду передовых агрономических приемов. С молодости собирал домашнюю библиотеку, поэтому сыновьям было что почитать, от Джека Лондона до по-

знавательного Фламариона. Отец и на земле работал, и служил в земских и кооперативных учреждениях, всегда много читал, вел дневниковые записи, ставил сельскохозяйственные опыты, успевал со штучной «тулкой» 20-го калибра ходить за рябчиками.

Где его могила, не знает никто.

Петру Константиновичу перед смертью представлялось, что он не в своей московской квартире, а снова в Юго-Камске, через дорогу — дом его старшего брата; он просил позвать его, хотел увидиться, поговорить. В последние минуты концентрировалось в прощальный сгусток потерянное и невосполнимое, что проболело всю внешне благополучную жизнь. В закатных лучах снова плыл звон колокола над полем за речкой Полуденкой.

Память земли

...Чудиновский однокурсник Григорий Енцов сидел на краю шурфа, свесив ноги в прохладную тень. Здесь, на Ежовском холме, пермские геологи искали волконскоит. Минерал редкий и бесценный для художников. Дает невыцветающую краску зеленых оттенков. Ту самую, что не потускнела с XI века на иконе «Святые апостолы Петр и Павел» из новгородского Софийского собора.

Сам Чудинов, тогда начальник геологической партии «Молотовнефтеразведки», работал на съемке пермских отложений по соседству.

— Интересную черепашку нашли, — Григорий смахнул рукавом комья земли с газетного свертка. — Ты же на кафедре палеонтологии и исторической геологии специализировался, тебе, наверно, будет интересно... — Развернул газету, внутри оказался не только череп с далеко выбегающим из верхней челюсти сабельным клыком, но и несколько окаменелых костей.

Да, интересно. Ему приходилось собирать окаменевшие пермские плауны на чусовских камнях-«бойцах», но то была флора. А изучение древних позвоночных предполагает не столько геологическую специализацию, сколько диплом биолога.

Однако очерский череп все никак не давал ему покоя. Чудинов разыскивал палеонтологические труды, но ничего похожего на случайную находку иллюстрации в старых фолиантах не предлагали. Даже недавно поступивший на кафедру сборник статей И.А. Ефремова содержал изображения схожих, но все же во многом отличающихся по строению черепов.

Что пробудило в геологе палеонтологические интересы? Наверняка не просто научный азарт, желание определить, что за существу все-таки принадлежал непонятный череп. Не в черепе дело. Он просто подвернулся и сработал как спусковой крючок. Чудинова зацепило вдруг открывшееся при прикосновении к твердой материалности древней кости ощущение немислимой древности, простирающейся не только вглубь, в твердейшие пермские песчаники. Она, эта древность, волшебным образом возникла и среди привычного с детства приуральского пейзажа, в котором прикровенно продолжал присутствовать палеозой. Будто пробудилась и обрела вещественность давно исчезнувшая жизнь, включился кинематографический прием двойной экспозиции, когда накладываются друг на друга два слоя реальности. Такая способность — свидетельство фантастического воображения, им природа оделяет немногих. «Я хотел оказаться на черте, где встречаются две вечности: прошедшее и будущее, — а это ведь и есть настоящее», — отметил в своей книге «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Дэвид Торо, один из любимых писателей Чудинова.

Геологическая работа тем временем шла своим чередом. Но все-таки Чудинова, воспитанного на приключенческой романтике из отцовской библиотеки, на Конан Дойле и Рони-Старшем, влекла возможность проникновения в таинственную и малоизвестную жизнь планетарного прошлого, погребенного в бездне времен. «Сила и величие палеонтологии — в гигантской перспективе времени», — с этим высказыванием профессора И.А. Ефремова молодой геолог

тогда не был знаком. Зато известен ему был писатель Ефремов, автор рассказов об экспедиционной жизни геологов — о сражении с ртутными «горными духами» алтайского озера Дены-Дерь, о блужданиях по заброшенным рудникам в оренбургской степи. Листая книжечку на койке в пермском общежитии, он чувствовал, как ночной аромат травы в пустыне Гоби смешивается с запахами бензина и остывающего автомобильного металла. Слышал «шепот звезд», когда свирепый якутский мороз пронизывает воздух шуршанием мириад мельчайших льдинок. Уже имевший кое-какой экспедиционный опыт Чудинов отметил, что в рассказах не звучало ни одной фальшивой ноты, не присутствовало ни единой неточности.

Неопределенность длилась почти три года. Вдруг неожиданно для самого себя Чудинов бросил геологические съемки на севере Молотовской области и тайком от начальства рванул в Москву. Вот он у подъезда бывших конюшен графа Орлова в Нескучном саду, где расположился Палеонтологический институт. Ему показывают дверь с табличкой «И.А. Ефремов». Доносящийся оттуда стук пишмашинки заставляет оробеть. Это 1951-й, что тогда писал Иван Антонович? «Вопросы изучения динозавров» по итогам своей монгольской экспедиции или, может быть, уже набрасывал космические контуры «Туманности Андромеды»?

На стене кабинета Ефремова висел карандашный портрет его учителя П.П. Сушкина. В начале 20-х молодой Ефремов, еще не определившийся с профессиональной стезей, еще не остывший от романтики морских странствий, прочитал в журнале «Природа» статью Сушкина о пермской фауне, и вот так же с молодой самоуверенностью явился к маститому палеонтологу. И, как Сушкин в свое время, повинувшись наитию, устроил сероглазого гиганта в тельняшке в академическое учреждение препаратором и даже стол для него поставил в собственном кабинете, так и Ефремов в первую же встречу посвятил геолога в палеонтологи. Он взял Чудинова к себе аспирантом.

Берег скелетов

В 1952 году Чудинов с экспедицией едет на Ежовский холм под Очером. Раскопки проводились вручную, находки были скромны — несколько обломков костей да кусочек челюсти с зубом. Но ведь это только рекогносцировка. Ефремов с Чудиновым год за годом запрашивают финансирование для полномасштабных изысканий. Средства удалось получить в 1957-м.

Бульдозерный нож высекал из песчаника искры. С помощью тяжелой техники решили снимать не только верхний, наносной слой грунта, но и рискнули пробиваться к звероящерам сквозь твердую породу. Работа от бульдозериста требовалась ювелирная, но все-таки стальной нож порой ломался. Не раз четырехнадцатитонная машина, зацепив скелеты, основательно раскурочивала палеозойские остатки. Несколько черепов оказались раздавлены гусеницами. Правда, институтские препараторы в полевых условиях смогли идеально собрать и склеить поврежденные кости.

Находка черепа — восторг для палеонтолога. Находка полного скелета — сенсация. Под Очером состоялся десяток сенсаций. Скелет вырубали вместе с породой (это называется «монолит»), заворачивали в марлю и бумагу, обшивали деревянным каркасом, заливали гипсом и отправляли по железной дороге в Москву. За три полевых сезона вскрыли площадь более 6 тыс. квадратных метров, на отдельных участках вгрызались в породу на 15-метровую глубину. На Ежовском холме обнаружилось одно из крупнейших в мире местонахождение пермских звероящеров. Восполнен разрыв между североамериканской фауной и более поздней пермью Южной Африки. Очерская фауна вошла в мировые справочники по палеонтологии. Итог подвел Ефремов: «Раскопок лучше очерских не было, нет и никогда не будет!» Это было сродни удаче астронома, открывшего новую планету. Второй раз такое везение не повторяется. Потом еще 10 лет

занимались препарированием найденных материалов. Но это потом, а сейчас вернемся в конец 50-х.

Ежовский холм таил в себе множество безмолвных рассказчиков, умеи только слушать: обломки окаменевших стволов растений, отпечатки ветвей и листьев, двустворчатых пресноводных моллюсков, черепа земноводных лабиринтодонтов. Вокруг костра в полевом лагере метались ночные тени, едва слышное журчание маленькой речушки Сосновки превращалось в полноводный шум реки. Именно здесь она, давным-давно высохшая, когда-то впадала в Приуральское море. В окутанных сырм туманом прибрежных зарослях угадывалась тяжелая безухая голова ивантозавра; пермский гад своими широкими лапами топтался на болотистом берегу, обследуя, не спрятался ли где-нибудь в дупле рухнувшего лепидодендрона перепуганный молодой лабиринтодонт. Хищник мог и в речную заводь за полуметровой треугольной рыбиной нырнуть, если та вдруг всплескивала мощным плавником, или рискнуть напасть на шестиметрового бегемотоподобного эстемменозуха. Эти «венценосные» звероящеры, черепа которых были усеяны диковинными выростами и раздвоенными рожками, редко выбирались на сушу, предпочитая бултыхаться в заводях. Тревожа палеозойские джунгли, проносился двуногий хтомалопор, изящно балансируя длинным хвостом. В вечерних рассказах Чудинова возвращалось вспять потерянное время, снова дышала древняя жизнь, встречались две вечности — прошедшее и будущее, которое «и есть настоящее», повторим цитату из Торо.

Ефремов очень хотел приехать в Очер, но здоровье не позволило. Он присылал на раскопки книги: Александра Грина, которого снова начали печатать после долгого перерыва, американских фантастов Чэда Оливера, Хайнлайна и Гамильтона. А специально для Петра Константиновича — «Кумаонских людоедов» Джима Корбетта с ироничной надписью: «Вот каким должен быть настоящий охотник, а не слепым избивателем беззащитной дичи!»

Вечерами после раскопок спорили о Маяковском и Есенине, обсуждали и фантаста Уэллса, и Винера с его кибернетикой, только-только перестававшей считаться лженаукой. Темой стала и наметившаяся опала «народного академика» Лысенко. Толщи слежавшегося времени содрогались, будто под бульдозерным ножом непредсказуемых перемен. Впоследствии П.К. записал, как случайно оказался на гражданской панихиде по гонителю генетики: «Меня одолело нездоровое любопытство — захотелось взглянуть на награды: на отдельных подушечках размещались восемь орденов Ленина. На миг меня поразила парадоксальная ирреальность ситуации и промелькнула мысль: *“Какой же ущерб нужно нанести науке, обществу и Родине, чтобы заслужить восемь орденов Ленина?”*».

...Через месяц после похорон Ефремова позвонила вдова, Таисия Иосифовна, и сказала странную и страшную вещь. Чудинов бросился к дому учителя.

Перерывтые книги и сдвинутая мебель. Металлоискатель и даже рентгеновский аппарат. Вот опять. «Тени минувшего». Обыск после смерти. Строгие товарищи:

— Что вы здесь делаете?

П.К. взорвался:

— Нет, это ВЫ что здесь делаете?!

Его попытались не пустить, но он прорвался и не ушел, пока обыск не закончился, заявив, что не оставит с ними беспомощную женщину.

***

Подзаголовки для этого очерка, как нетрудно заметить, взяты из книг Ефремова. Если попытаться что-то подобрать для последнего маленького эпизода, то подойдут «В плену тьмы», «Отзвук inferно».

После XX съезда партии П.К. Чудинов забрался на стремянку и снял со стены Палеонтологического института большой парадный портрет Сталина.